

Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперёд.

А.И. ГЕРЦЕН

Сегодня в «Былом и думах» мы публикуем материалы, связанные в основном с XIX — началом XX века. На первый взгляд, они о далёких друг от друга событиях. Однако в каждом из них упоминается одно и то же имя — Владимир Григорьевич Сапожников. Фабрикант, владелец шёлкоткацкой фабрики (нынче «Передовая текстильщица»), он был разносторонним меценатом. Создал школу, которой уже более 136 лет; финансировал строительство часовни в честь 100-летия войны 1812 года. И даже театральная студия работала при доме культуры его бывшей фабрики. Вот такие были люди!

Это та самая Жуковка, где в 1837 году поселился прибывший из Саратовской губернии со своим семейством помещик Акинфий Иванович Жуков, привнёсший за короткий срок много новшеств в землепользование на болшевских землях. Воспоминания декабриста А.П. Беляева «О пережитом и перечувствованном», посетившего семейство своих болшевских родственников после 20-летней каторги и ссылки, дописали ещё несколько мазков к портрету Жуковки и её обитателей.

Александр Петрович Беляев, один из видных членов Северного общества, был приговорён к 12 годам каторжных работ в Нерчинских рудниках, затем находился на поселении в Иркутске, служил рядовым на Кавказе, где отличился и был произведён в прапорщики. В 1848 году ему, «поднадзорному» до общей амнистии декабристов в 1856 году, были дозволены переезды, в том числе и в Москву. Летом того же года он приезжает в Болшево к своей сестре и зятю А.И. Жукову.

«С каким сердечным трепетом я увидел сквозь чащу леса показавшуюся церковь — ведь это было после 20 лет ссылки, когда всё производило сильнейшее впечатление и возбуждало столь же сильные чувства. Личик сказал, что это церковь села Болшева; затем стали открываться сквозь привлекательную яркую зелень и другие строения, над которыми возвышалась красная ветряная мельница, и, наконец перед лужайкой показался небольшой дом с мезонином и террасой и отворённою дверью в дом. Сейчас же выбежала сестра и с нею две прелестные девушки в первой юности, высо-

ВЗГЛЯД ДЕКАБРИСТА

Жуковка — какой она была

кие, стройные и в полном блеске красоты и грации. Я был в восторге, что могу прижать к сердцу таких прелестных племянниц. Но их робкая скромность и застенчивость удерживали от радостных нежных излиятий, каким могла предаться сестра. Сначала они скромно и робко сделали грациозный реверанс, и когда мать сказала: «Подойдите же к дяде и поцелуйте его», они подошли и подставили свои пылающие розовые щёчки моим поцелуям.

Декабрист А.П. БЕЛЯЕВ.

Третья сестра была ещё малолетней и тоже обещала быть красавицей, но она недолго жила и от какой-то болезни умерла. Познакомившись короче со старшими, я увидел в них, кроме красоты, ум, уже много размышлявший, тщательное воспитание, возвышенные чувства и даже серьёзные взгляды на жизненные вопросы, и с первого же дня знакомства мы стали друзьями. Двадцать с лишком лет изгнаннической тюремной и воинственной кавказской жизни, конечно, должны были сильно отозваться в их юных, восприимчивых, несколько поэтически настроенных сердцах, и это ещё более привязало их ко мне. Уютный дом был расположен на горном берегу живописно извивающейся змейкой Клязьмы; перед домом роскошные купы берёз, а по обе его стороны сад в английском вкусе; далее тянулись роща и лес с одной стороны, а с другой их владения ограничивал глубокий овраг, за которым начинается земля Болшевского приюта, устроенного покойным благодетельным князем П.И. Одоевским. С тер-

расы дома открывается вид на Клязьму, на луговой стороне которой виднеются огромные здания фабрик и заводов Москвы и роскошные дачи, мелькающие сквозь яркую зелень садов и рощ, — словом, это Болшево было очаровательным приютом.

Прервём описание мемуариста, чтобы объяснить, о каком доме с мезонином и «роскошной купе берёз» идёт речь. Дом Жуковых стоял на том самом месте, где сейчас находится трёхэтажное здание Болшевской школы №1. Где-то в 1860-х годах Акинфий Иванович с семьёй вернулся в Саратов. В отцовском доме проживала младшая из дочерей Наталья Набокова с мужем. У неё и купил этот дом фабрикант В.Г. Сапожников, когда в 1875 году переехал в Куракино часть своей шёлковой фабрики. После революции, в 1922 году в этом здании открыли Болшевскую железнодорожную школу II ступени; позднее ей был присвоен №1. В 1952 году деревянное здание школы сгорело, и на этом месте было построено новое каменное. Общий вид дома сохранился на фотографиях, правда, более позднего времени, и на картине Константина Коровина в музее-усадьбе Поленово, дожила до нашего времени и берёзовая аллея, но уже не такой роскошной, а сильно поредевшей и состарившейся. Но от красной ветряной мельницы и сада в «английском вкусе», так же, как от леса и рощи, не осталось никаких следов. Так ведь и прошло с тех пор свыше 150 лет. А хранить память и памятники мы ещё не научились.

Но продолжим рассказ декабриста. «Сестра моя... благороднейшее, самоотверженное существо, всем сердцем преданное Богу. Она много перенесла в своей жизни. Муж её Акинфий Иванович был подвержен периодической болезни, повторявшейся несколько раз, и тогда она была мученицей. При этой страшной болезни на ней одной лежали заботы о воспитании детей, дела по имению и тяжёлый уход за ним. Акинфий Иванович очень умный и весьма образованный человек, издавший несколько хозяйственных сочинений, когда приходил в нормальное состояние. Он был замечательным по своим остроумам, а также и по уму. Дома никогда не снимал халата, в котором часто воспроизводил па балетных

Дом Жуковых стоял на том самом месте, где сейчас находится здание Болшевской школы №1.

танцовщиц среди зала, и все вокруг хохотали».

У Жуковых было много знакомых в Москве, некоторые посещали их в Болшево. Особенно близок был Акинфий Иванович с Елизаветой Михайловной Евреиновой. Это она продала ему болшевские земли и ещё «другое значительное имение». (Возможно, речь идёт о «подлиповском» лесе и Власовке (ныне Валентиновка. — Р.Л.). «...Милейшая по своему весёлому характеру и доброте старушка, простодушная и уж вовсе не чопорная, каких можно встретить мало, тип тогдашних богатых и знатных старых москвичек. Как богатая и родовитая помещица, она имела много крепостных слуг, которые были так коротки с барыней, что в доме хозяйничали более, нежели она сама. Но зато все они её обожали, да и вообще все её звалище любили и уважали её глубоко. Куда бы она ни приезжала, где бы ни являлась — её встречали с радостью. Она страстно любила карты, и страсть эту разделяла с ней зятю мой, Акинфий Иванович. С Елизаветой Михайловной они буквально большую часть дня и вечера сидели за преферансом. Утром она только что вставала с постели, он уже являлся к двери и стучал, объявляя, что стол готов; тогда в ответ слышался голос: «Ах, батюшки, да дай же хоть умыться и Богу помолиться».

Беляев хотел бы остаться в Болшево, если бы для него нашлось какое-либо занятие. Об этом он писал из Болшева М.М. Нарышкину, другу по ссылке, такому же «поднадзорному», освобождённому до общей амнистии и проживавшему в Тульской губернии: «Без дела жить нельзя людям, не имеющим состояния, а потому надо будет хлопотать... о прискании себе какого-нибудь занятия». (Занятие нашлось — с 1852 года управлял имениями у Л.К. Нарышкина и его наследников в Саратовской губернии). Отдых в Болшево закончился, и Александр Петрович уехал в Москву со всем семейством сестры и зятя, где у них была квартира «у знаменитой Сухарево башни с её легендами о чародее Брюсе и другими тёмными преданиями».

Беляеву довелось ещё побывать в Болшево после полной амнистии декабристов в 1856 году. В 1879 году он написал «Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном», которые читал Л.Н. Толстой, близко знавший Беляева и собиравший материалы для романа о декабристах (роман написан не был). Несколько глав «Воспоминаний» Толстой напечатал в журналах «Русская старина». Полностью они были опубликованы в 1882 году.

Беляев умер в 1887 году. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Раиса ПОЗАМАНТИ

ПОМНЯЩИЕ РОДСТВО

От часовни — к часовне

В 2012 году отмечалось 200-летие Бородинской битвы. Сражения Отечественной войны 1812 года затронули и территорию нашего города. Один из рубежей на Клязьме держали казаки 7-го Донского казачьего полка В.Т. Денисова, входившего в корпус И.М. Платова.

В «Калининградской правде» 13 ноября 2012 года в «Былом и думах» была опубликована замечательная статья краеведа Елены Протогеновой «История нашей Клязьмы», где мельком было упомянуто о восстановлении часовни на окраине Тарасовки. Хотелось бы подробнее рассказать об истории, связанной с этой часовней.

В 1812 году деревня Тарасовка, от Москвы в 22 верстах на север, была «под французом» и подвергалась безжалостному грабежу. Целью французов было завладеть великой святыней земли Русской — обителью преподобного Сергия. Казалось, что после взятия Москвы этому ничто не могло помешать. Враг не раз пытался перейти Клязьму, но казаки 7-го Донского казачьего полка каждый раз отбрасывали их назад... В одном из донесений того времени говорилось: «24 сентября отрядом войскового старшины Победного взят в плен два офицера и 151 рядовой...»

И вот потомки тех, кто пережил нашествие французов, решили в 1912 году построить в честь 100-летия победы над Наполеоном каменную часовню в деревне Тарасовке — в память о доблести предков. 26 августа (по старому стилю), в день 100-летия Бородинского сражения, состоялась тор-

жественная закладка часовни на месте, избранном крестьянами Тарасовки. Меценатом выступил потомственный дворянин Владимир Григорьевич Сапожников, владелец ткацкой фабрики на берегу Клязьмы (ныне на территории г. Королёва). Архитектором был С.М. Ерофеев. И к 11 октября 1912 года часовня была уже построена...

В плане она представляла собой квадрат размером 3,5х3,5 аршин (около 2,5х2,5 метра). С западного фасада имелась решётчатая металлическая дверь, а с северной и южной сторон — по три небольших окна. На стенах часовни были расположены памятные плиты. «В 1812 году отряд французов пытался перейти реку, но казаки, находившиеся по ту сторону Клязьмы, не допустили неприятеля. В честь сего события сооружена сия часовня» — гласит надпись на одной из её памятных плит. Крыша часовни была двухскатная, и на середине конька возвышалась макровка с крестом.

К сожалению, в 1938 году часовня была разрушена, но в памяти людей она осталась. 22 августа 2009 года на месте сражения был установлен поклонный крест — в знак начала восстановления часовни. И здесь выяснилось, что чудесным образом сохранилась единственная икона с ликом Святого Димитрия Ростовского — покровителя казачества, которая когда-то находилась в разрушенной часовне. Икону более 70 лет бережно хранили в семье местных жителей Крестининых, передавая от поколения к поколению. На семейном совете было решено, что икона должна непременно вернуться в восстановленную часовню. В майские дни 2012 года был заложен первый

Чудесным образом сохранилась единственная икона с ликом Святого Димитрия Ростовского — покровителя казачества, которая когда-то находилась в разрушенной часовне.

камень в восстанавливаемую по старинным чертежам часовню. Средства на её восстановление собирались всенародно.

И вот 9 сентября 2012 года, во время празднования 200-летия победы в войне 1812 года, восстановленная часовня была освещена. С Божьей помощью и при поддержке местной администрации, духовенства, казачества и краеведов над рекой Клязьмой засияли купола возрождённой часовни! А старинная чудотворная икона была возвращена церкви и заняла снова своё место в часовне!

К 150-ЛЕТИЮ

И снова о «Подснежнике»

В «Былом и думах» №34 от 15 января 2000 года была опубликована заметка «И расцвёл «Подснежник» в Куракине», где рассказывалось о работе в 1919 году театральной студии при Доме культуры бывшей шёлковой фабрики Сапожниково. В то время возглавляла эту студию, насчитывавшую 51 человек, сестра К.С. Станиславского Зинаида Сергеевна Соколова. Репетировали спектакль по мотивам русской народной сказки «Подснежник». На одной из репетиций присутствовали Константин Сергеевич Станиславский и Василий Иванович Качалов. Спектакль им очень понравился. А на премьерном показе спектакля «Подснежник» собралось почти всё местное население. И не столь важно, что спектакль прошёл всего два раза — о нём помнят и в наше время.

Вот какую замечательную историю мне рассказала и показала даже фотографию одна коренная жительница деревни Тарасовки (ныне Пушкинский район). Её дед — Григорий Крестинин (на фото — стоит в центре) очень любил театр, хотя и был простым крестьянином. Однажды пришла весть, что в Любимовку приехала жить сестра Станиславского, а в Кураки-